

СЛЫШАНИЕ КАК ЗАЛОГ УСПЕШНОСТИ
МЕЖКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА

HEARING AS A CONDITION OF AN EFFECTIVE
INTERCULTURAL DIALOG

ИОАННА КОЖЕНЕВСКА-БЕРЧИНЬСКА

ABSTRACT. Not only listening to, but also hearing, what a speaker intends to say is one of the basic conditions of an effective act of communication. However, we are stereotypically programmed to hear ourselves and other people as thinking in a similar way. The article presents theoretical reflections and practical observations related to the possibilities of changing this pattern.

Joanna Korzeniewska-Berczyńska, Szkoła Wyższa TWP, Warszawa – Polska.

Предмет моей заинтересованности в данном тексте обусловлен многолетним опытом исследований. Я исхожу из положения, что подлинное соучастие в коммуникативном акте, пожалуй, в решающей степени обусловлено готовностью его соучастников воспринимать слышимое чужое слово как знак не моей, но – имеющей полное право на существование – смысловой позиции. Поэтому желательно сосредоточить внимание именно на слышании как на необходимости, которая решает об успешности любого диалога. Сказанное может показаться банальностью; *diálogos* – это разговор, дискуссия, т.е. основные формы общения, причем, пожалуй, с сократовских времен осознается его незаменимость как надежного средства обмена не только информацией, но также идеями, ощущениями – всем, что может нас обогатить, расширяя горизонты познания.

Вместе с тем, слушание-слышание в нашей дидактической (и не только!) действительности, не пользуется, мягко говоря, обостренным интересом. Полезно напомнить, что само слушание неравнозначно общеизвестным физиологическим предпосылкам, ибо оно есть сознательная активность¹. Для того чтобы услышать другого, необходимы,

¹ Подробно на эту тему см.: A. C a r o l, R i N. J. W y a t t, *Słuchanie i proces retoryczny*, [в:] *Mosty zamiast murów. O komunikowaniu się między ludźmi*, J. Stewart (red.), Warszawa 2002, с. 218–234.

кроме обыкновенной тренировки, определенные условия, о которых речь идет далее.

Как очевидность, даже банальность, трактуется обычно на прагматическом уровне факт, что способность услышать другого, осмыслить его высказывание есть залог успешности также межкультурного диалога, ибо подлинное соучастие в общении зависит от готовности „понимать и слышать чужой голос, слышать другого“, воспринимать его слово как знак „чужой смысловой позиции“². В этой связи полезно акцентировать довольно печальный факт, что независимо от наших желаний природа человечности выражается также в предпочтении равно слушать, как и слышать себя, а в лучшем случае – своих единомышленников. В контактах с чужими, не нашими, доминирует категоризация мира на своих и чужих, вместе с нескончаемым предпочтением для своих как совершенных во всех отношениях. Проблема заключается в том, что „эффективный разговор требует эмпатического мышления и эмпатического восприятия чужого голоса“³.

К сожалению, мы нередко участвуем в диалоге согласно безотказно действующей схеме: нас не интересует мнение другого, нас поглощают свои цели, собственное восприятие, свои дела. Мы жаждем оказать психическое давление на собеседника, а если он не желает подчиниться, согласиться с нами, мы игнорируем его видение вещей или же просто приступаем к вербальной атаке. Кстати, многовековыми экспериментами доказано, что человеку органически присуща рационально неоправданная агрессивность, „деятельность, сопровождаемая сильным желанием унижить, оскорбить, хотя бы посредством слова“⁴.

Осознавая множество разнообразных, в том числе непреодолимых трудностей, связанных с искусством слышать партнера, мы должны тем более уделять особое внимание этой коммуникативной способности начиная со школьного уровня изучения любого иностранного языка⁵, так как его усвоение тесно связано с познанием новой культуры, а заодно и с воспитанием толерантности как психологической предпосылки успешного слушания, когда вскормленная доброжелательностью мысль стремительно бежит навстречу чужому голосу.

Очередной парадокс выражается в том, что усваивание языка должно подготовить к участию в подлинных коммуникативных актах,

² М. Б а х т и н, *Диалогическое слово. Проблемы поэтики Достоевского*, Москва 1993, *passim*.

³ Е. А r o n s o n, *Człowiek – istota społeczna. Wybór tekstów*, Warszawa 2001, с. 138.

⁴ Там же, с. 235–236.

⁵ Интересные, оригинальные рассуждения на тему подготовки к участию в межкультурном диалоге см.: Е.И. П а с о в, *Коммуникативное иноязычное образование: готовим к диалогу культур*, Минск 2003.

а это возможно лишь при ментальной готовности услышать. Как ни странно, последнему отводится минимальное внимание также в дидактическом процессе осваивания языка. Дидактический опыт, касающийся также университетского уровня, подтверждает типичность т.н. студенческой позиции. Демонстрируя атрибутику пристального слушания, наши подопечные витают в облаках. А при подлинном слушании мыслительные процессы имеют напряженный характер. Не исключено, что, между прочим, продолжительный стресс есть одна из причин „витания в облаках”⁶.

Многоаспектные размышления об уровне реальности диалога культур заключают в себе и философскую рефлексию о диалоге и солидарности. Тем более что и сегодня, и в ушедшем веке постоянной, вечно живой оказывается навязчивость протаскивания „инквизиторами мысли” одной-единственной правды вплоть до уничтожения инакомыслящих и „инакочувствующих”, а также „инакодействующих”. Прогрессирует сильное нежелание слушать-понимать, внимать тому, что нам хотят сообщить другие.

Подобные психолого-поведенческие установки исключают успешность любого диалогического акта. Перифразируя слова Гадамера, это равнозначно *неготовности к диалогу*, который он называет *самым высоким принципом*, хотя бы потому, что „разговор, диалог, публичные дебаты составляют фундаментальную основу [...] мыслящего человека”⁷. Эта рефлексия явно перекликается с мыслью знатока человеческой природы А. Кемпинского: „условие жизнеспособности – это контакт с окружающими, ибо без интеллектуального и энергетического метаболизма любая жизнь прекращается”⁸.

Как же реализовать подобные заветы в свете осознаваемости факта, что любой язык обладает неистовой, формирующей наш мир силой, что основой нашего мышления являются разные понятия, что мы говорим на разных языках, а наши мировидение и мироощущение предопределены „разным видением действительности, составляющим данную культуру?”⁹. Ощущение органической необходимости включаться в диалог, систематически обогащая его, резко осложняется также из-за нашей ментальной неподготовленности к эмпатическому

⁶ Размышления о толерантности см., например: L. K o ł a k o w s k i, *Mini wykłady o taxi sprawach*, Kraków 1997, с. 35–41, а также *Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности. Коллективная монография*, В.И. Первухина (ред.), Екатеринбург 2003.

⁷ H.-G. G a d a m e r, *Prawda i metoda. Zarys hermeneutyki filozoficznej*, Kraków 1993, с. 135.

⁸ A. K e p i ń s k i, *Autoportret człowieka (myśli i aforyzmy)*, Kraków 1997, с. 91.

⁹ A. C a r o l, R. i N. J. W y a t t, указ. соч., с. 222.

слушанию, требующему редчайшей способности ставить себя на место другого. Как правило, мы не в состоянии отложить в долгий ящик свои взгляды и признаваемые нами ценности.

Целесообразно задуматься над реальностью нижепредставленных условий: эмпатическое слушание возможно, если мы активно осознаем, интерпретируем и оцениваем чужие значения, для чего необходимо обоюдно реализовать процесс многотрудного взаимопонимания. Это требует от нас интеллектуальной пластичности, отношения к слушанию как к особой игре (не знаем, каким будет результат межкультурного диалога). Если мы одобряем конвенцию игры, то знаем, что в ней предвидятся движения не только вперед, но и назад, и, кроме того, осознаем факт, что игра все время повторяется, обновляя самое себя.

Совершенно понятно, что для подобного мастерства слушать необходима скромность, даже смирение, которые продиктованы как позицией „благородной неуверенности“ в собственной правоте, так и тем обстоятельством, что мы не в состоянии проникнуть безошибочно в дебри чужого мира идей и эмоций.

Тогда возможна ли позиция, которую Стюарт и Милт называют *диалогическим слушанием*?¹⁰. Оно ведь требует способности сосредоточить внимание на „не нашем“, и заодно акцептации „инакости“, а также отказа от блаженного чувства собственного превосходства¹¹. Разве легко сначала найти, а потом сосредоточиться на общем для меня и для носителя чужой, непонятной мне культуры? И насколько реально создание в процессе словесной игры общих значений? Это отнюдь не теоретические вопросы-сомнения. Они актуальны и насущны для всех, кто далек от ксенофобических и этноцентрических позиций, или хотя бы стремится к такому.

К сожалению, в реальности подлинный диалог остается нередко лишь фантомным явлением, лишь мифом. Собеседники (в том числе виртуальные) „встречаются“ по обе стороны наглухо захлопнутой двери, пребывая наедине со своей „единственно правильной истиной“, своим „единственно правильным мнением“.

Посильно ли одолеть рифы, затрудняющие межкультурное общение? Невозможность дать полный ответ на этот сложнейший вопрос позволяет выразить лишь несколько, как можно судить, важных наблюдений.

¹⁰ J. S t e w a r t, T. M i l t, *Sluchanie dialogiczne: lepienie wzajemnych znaczeń*, [в:] *Mosty zamiast murów...*, указ. соч., с. 234.

¹¹ Стюарт и Милт называют диалогическое слушание эмпатическим. Несомненно, оба термина являются синонимическими.

♦ На уровне теоретических, равно как и практических решений, слишком мало внимания уделяется эмпатическому слушанию как условию *sine qua non* возникновения диалога. Это можно объяснить фактом, что в нашей культуре любой вид активности принято отождествлять с движением, а подобная исследовательская позиция приводит к интерпретации слушания-слышания как воплощенной пассивности. Вместе с тем нетрудно доказать активный характер названного умения, которое составляют: добросовестное и доброжелательное усваивание нового, его категоризацию, т.е. процессы, сопровождаемые сильным желанием понять другого, чужого, понять его мир.

♦ *Межкультурный диалог* принадлежит к т.н. растяжимым понятиям. Он неоднократно имеет место между носителями одного и того же языка (например: отцы и дети, женщины и мужчины), причем сложность такого общения не уступает по трудности вербальным контактам носителей двух „иноязычных культур“. Такое положение вещей лишний раз доказывает главенствующую, во многом решающую функцию слышания, к которому надо готовить начиная со школьного возраста. Тем более что социополитический уровень „диалогичности“ в современном мире оставляет желать многого. (Достаточно напомнить наличие продолжительного шума-гама, который определяет суть хотя бы политического польско-польского „диалога“).

♦ Межкультурный диалог – это прежде всего плод наших благородных желаний и благих намерений; его функционирование имеет несомненно ограниченный характер. Однако в случае, когда мы отдаем себе отчет в невероятной сложности, но и истинной значимости умения слушать-слышать-понимать, возникает шанс находить в себе инструменты минимализации осложнений.

♦ Успешность межкультурного диалога этнического характера зависит, разумеется, и от наличия общекодовых знаний и умений. Существенным препятствием в этом плане является наличие безэквивалентной и фоновой лексики. Незнание скрытых за ней смыслов ведет к недоразумениям и разнообразным просчетам.

♦ Увлекаясь идеей беспредельной ценности межкультурного общения, полезно было бы использовать ту потенциальную силу, которой обладает диалог, не знающий ни пространственных, ни временных границ. Нашим партнером становится голос подлинных гуманистариетов, обогащающих нас непреходящими, вневременными идеями. Виртуальный диалог с нами вели испокон веков, а также ведут сегодня, крупные мыслители, поощряя нас к раздумьям над сутью человеческой природы. Не углубляясь в исторические дебри, я бы напомнила здесь лишь несколько имен русских и польских корифеев. Это М. Бахтин, Н.И. Толстой, Д. Лихачев. Г. Гачев, А. Мень, В.Г. Костомаров, а также

незабытые J. Tischner, R. Karpuściński, A. Walicki, A. Kępiński, A. Szczynior-ski. Их слово обладает незаурядным гуманитарным потенциалом, становясь понятным всем заинтересованным, не испытывающим при его восприятии хоть какого-либо культурного барьера. Не занимаясь узко понимаемой дидактикой, они учат „мимоходом“ самому главному. Именно они кропотливо строят модель безграничного общения, в котором бережно сохраняется статус настоящего, исполненного уважения партнерства.

◆ Разумеется, далеко не все готовы к подобному общению, а успешность диалога в конечном счете зависит от индивидуальности собеседников. Обладающие ею – носители исключительного благородства, – это архитекторы межкультурного, причем вневременного, пространства доброжелательности. Метафорически можно сказать, что личности такого масштаба – выпускники школы светил диалога и согласия на уровне Г. Гадамера или Б. Бубера.

◆ В связи с вышесказанным можно, пожалуй, предложить термин *диалогическая личность*; это особь, обладающая совокупностью некоторых психо-поведенческих свойств. Главное из них – любовь к человеку, а следовательно, – уважение к нему, отсутствие предвзятости, потребность внимательно наклоняться над другим с целью лучше слышать его, внимательное отношение к тому, что говорит другой, представляющий „не наши“ взгляды, чужую нам культуру. В конечном счете, их диалогическое поведение равнозначно толерантности, которая по сути дела эквивалентна дару общения, лишенного по своей природе потребности обвинять, порицать, преждевременно оценивать.

В заключение я ограничусь лишь процитированием одной из тех мыслей, которые обладают свойством возбуждать полноводье рассуждений:

Я не имею права ограничиваться тем, что человеку разрешено быть иным. Я обязан [...] начать внутренний диалог с этой иной культурой, с иным менталитетом. Сказанное обозначает не только толерантность для любого разного, чужого, но и понимание, что без этого иного я не в состоянии быть самим собой¹⁵.

¹⁵ V.S. B i b l e r, *Myślenie jako dialog*, Warszawa 1982, с. 87.